

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИКАРА СЧАСТЛИВОГО (субъективные заметки)

Отец! Что облака! Что море!
Удел наш — воля мощных птиц:
Взлетать на радостном просторе,
Метаться в даях без границ!
Валерий Брюсов

Осознание темы

Не думал, что когда-нибудь буду специально писать о Петре Осиповиче. По приблизительным подсчетам, о нем уже напечатано никак не меньше десятка статей. Не могу сказать, что очень близко знал его — я лишь один из сотен студентов истфака Одесского университета, слушавших лекции профессора. Теперь понимаю: глубокими знаниями об этом человеке могут похвастать далеко не все даже из тех, кто долго находился рядом. Быть может, правильно сказать, что он был и остается непостижимым... Однако по этой-то причине о П.О.Карышковском надо писать вновь и вновь, чтобы дать шанс разрозненным моментам истины соединиться в цельный, близкий к действительности облик. Если такой подход справедлив для всякой личности, то для незаурядной — и подавно.

Близкие и едва знакомые люди звали его «П.О.». От этого, так сказать, имени, порожденного революционными новшествами, веяло чем-то казенным и обезличенным. Слышал не раз я, как студенты между собой называли профессора «Корыш», прозвищем, которое звучало почти как «кореш». И это при том, что пол-

ная фамилия Петра Осиповича — «Карышковский-Икар» — была известна далеко не всем. Ее если и не скрывали от народа, то уж, во всяком случае, не афишировали.

Нисколько не сомневаюсь, что древнее имя ему нравилось. Откуда оно взялось, толкуют по-разному. По одной версии, вероятно, близкой к действительности, его отец, названный Иосифом, расписывался сокращенно: «ИКар». Для сына, с детства плененного античностью, это, конечно же, был знак! Вглядитесь в автограф Петра Осиповича образца 1986 г. под портретом в нашем журнале. Первые буквы, словно пытающиеся взлететь с листа, складываются в воздушное «ИКАР...».

Стихией Петра Осиповича, как и подобает Икару, был полет. Полет в античность, мир неправдоподобно красивый и далекий для простых смертных. Достичь его сияющих далей и легко парить в них способны только окрыленные. Талант отделяться от земли даровала ему природа, но он сам избрал для полетов небо Счастья, древнее имя которому — «ОЛЬВИЯ». Под ее светящейся сенью и прожил свою жизнь ИКАР СЧАСТЛИВЫЙ.

Источники

Размышляя о возможных ракурсах моих заметок и источниках информации, я определил три, как мне кажется, наиболее традиционные точки зрения, которым свойственны свои краски и тона, стили и каноны. Их условные имена — Молва, Крест и Песня.

Молва обычно далека от истины, но преследует всю жизнь и даже после смерти своего Героя не успокаивается, а продолжает гулять по белу свету. О Петре Осиповиче говорили на студенческих вечеринках с завидной регулярностью. Из года в год старшекурсники доверяли «салагам» секреты истфаковских саг, в ко-

торых он был одним из главных действующих лиц. Некоторые сказы доводилось слышать в разных вариантах по несколько раз. Часть из них удалось проверить — они в общих чертах соответствуют реальности. В истинности других сильно сомневаюсь. Однако это общее правило: фольклорный жанр не строится на фактах, но всегда позволяет оценить масштаб личности героя и те его качества, которые питают любовь главного хранителя устного творчества — народа. Поэтому я решился поделиться частью известных мне рассказов.

Крест — взгляд на тему изнутри, попытка

приблизиться к самооценке Героя, понять его ощущение собственных взлетов и падений. Эту группу фактов следует искать в «нетворческих» бумагах — документах, авторских записях для себя, рассказах очень близких людей. Здесь я должен выразить огромную признательность Алле Ивановне Карышковской, а также Ирине, дочери Петра Осиповича. Их воспоминания, возможность познакомиться с некоторыми документальными материалами и согласие на публикацию рукописей во многом определили облик этого номера «Стратума».

Два документа — список научных работ и автобиографию — читатель найдет целиком в журнале. Еще об одном источнике следует сказать особо. Это школьная 12-страничная тетрадь в клетку. На оборотной стороне выгоревшей от времени зеленоватой обложки, ниже традиционной таблицы умножения, значится место и время выпуска: г. Одесса, 2-й квартал 1952 г. Другая примета эпохи — типографская надпись о том, что продажа тетради в 16 коп. «дороже указанной цены карается законом».

В тетради чернильной ручкой слово в слово переписана заполненная по форме № 1 анкета. Скорее это форма автодоноса. Вот три иезуитских пункта инструкции к нему:

«1. Прежде чем заполнить анкету, необходимо ознакомиться с вопросами для правильного ответа на них.

2. Ответы писать подробно, четко и разбор-

чиво, прочерков делать не разрешается.

3. На вопросы, не предусмотренные анкетой, но имеющие существенное значение, лицо, заполняющее анкету, должно обязательно ответить в конце анкеты».

В анкету рукой Петра Осиповича внесены по терминологии известных инстанций «объективные данные», судя по всему, приходящиеся на конец 1952 — начало 1953 гг. Поскольку характеристики запрашивались часто, а на 38 вопросов надо было отвечать «развернуто» и так, чтобы не наклепать самому на себя беду, естественно, автор позаботился составить копию. Эти записи «для памяти», которые представляют интереснейший материал для специального исследования, также использованы мною.

Песня, в сочетании с лирическим Героем, чаще всего, является идеальным словесным (в единстве красоты смысла и звука) воплощением Мечты. Песня — прорыв из круга предопределенности в сферу дерзновенных Полетов и возвышенного над буднями Творчества. Обычно люди с годами поют все меньше. Голос Петра Осиповича, напротив, звучал много сильнее. Его Песнями были стихи, лекции и научные занятия. Они заглушали злые сплетни и жестокий быт. Ему удавалось, вопреки всему, превращать свою жизнь в Песню. Однако куда было деться от чужой Молвы и своего Креста?

Впечатления

С книгой его можно было увидеть везде: на улице, в общественном транспорте, на открытых партсобраниях, собиравших в те времена в добровольно-принудительном порядке всех студентов и преподавателей. Вот Петр Осипович близоруко приближает книгу к лицу. Чтение позволяет заслониться от брэнной суеты хмурой повседневности.

Он читал так же быстро, как и ходил. Его пребывание на улице чаще всего превращалось в чтение-хождение. Посмеивались, что, задевая столб, он не останавливался и не поднимал глаз от книги, а вежливо извинялся. Стремительность его почерка гармонировала с натурой, не уступая скорости походки и чтения. Он что-то писал и на многочленных собраниях, ни на кого не обращая внимания. Согласно Молве, сноски расставлял по памяти. С завистью и без тени сомнения ему приписывали способность ничего из прочитанного не забывать...

Преподаватели у студентов-историков Одесского университета были разные. Даже по манере одеваться. Вспоминается профессор, который во время лекции делал паузы, многозначительно разглядывая носки своих лакированных штиблет или стряхивая невидимые пылинки с великолепного бежевого костюма. Запечатлелась тяга молодой преподавательницы к ярко-зеленой оригинальности. В условиях хроничес-

кого советского дефицита ей удавалось подбирать одинаково сочных оттенков все — от одежды и обуви до шляпки, перчаток и портфеля.

За Петром Осиповичем никаких излишеств такого рода не водилось. Одевался он элегантно, но скромно. Его демисезонное пальто и берет наверняка помнят выпускники одесского истфака. Однажды кафедру обобрали воры. Злоумышленники унесли одежду сотрудников, не тронув вещей заведующего... В университете его можно было увидеть в джинсах, клетчатой рубашке-ковбойке и в легких сандалиях на босу ногу, а то и кусающим в раздумье ногти. Он был так далек от преуспевающих профессоров брежневской эпохи, приезжавших на работу и уезжавших исключительно на такси.

Проще всего сравнить П.О.Карышковского с представителями западной профессуры. Однако, есть одно «но»... Европейские и американские коллеги, по общему убеждению, как на подбор выглядят всего лишь постаревшими студентами. Петр Осипович запомнился иным. Как он был одет, не имело никакого значения. Его все равно выдавали характерный сосредоточенный профиль лица и красиво вьющиеся стального цвета волосы. Для полноты образа можно еще добавить очки. Всякому хватало первого взгляда, чтобы безошибочно определить — перед ним профессор.

Иосиф Титович

Родословная легенда рассказывает, что дед Петра Осиповича — Тит служил лесничим под Каменец-Подольским у крупного земельного магната графа Потоцкого. Случилось так, что во время зимней охоты барин заглянул в дом лесничего, жена которого только разрешилась от бремени сыном. Граф стал крестным отцом мальчика, рожденного 8 января 1882 г. (по другим данным — 1880 г.), взяв заботу о его будущем. Графский крестник смог стать студентом Варшавского университета, но получить высшее образование ему не удалось. За участие в студенческих волнениях времени первой русской революции Иосифа Титовича исключили из университета и только заступничество Потоцкого спасло от царской тюрьмы. Ему предоставили единственное право — отправиться на японскую войну.

Известное дело, война — это тоже проявление человеческой жизни. Образованный, деятельный и азартный И.Т.Карышковский стал в действующей армии под Мукденом завсегда-ем офицерского собрания. Одна из немногих и традиционных радостей досуга в полевых условиях — карты. Бывало, резались ночи напролет. Накануне того ужасного дня бывшему студенту шла карта — он сорвал банк.

А утром была вражеская атака. Вольноопределяющийся Иосиф Титович едва успел рассовать по карманам огромную сумму. Он еще не знал, что останется лежать на поле боя с тяжелым ранением головы. Таких добивали. Только купюры, которыми он был буквально набит, спасли ему жизнь. Японцы отправили его в госпиталь, сделали сложную черепную операцию и, спустя несколько месяцев, поставили на ноги.

«Японские невзгоды» закончились, а путь

домой лежал через... Западную Европу. Практически совершив кругосветное путешествие, он вернулся в Варшаву. Строй жизни одного из самых европейских городов Российской империи не располагал к покою, который обычно предпочитают инвалидам. Молодой человек, побывавший в гостях у Смерти, поборол недуг. События тех лет известны плохо — в анкете сына о его занятиях до революции написано: «Счетный работник». Кажется, Иосиф Карышковский вел тогда весьма разгульную жизнь. Сам Петр Осипович в зрелые годы не раз заговаривал о своих очень вероятных старших братьях, хотя в анкете отметил: «Сестер и братьев не имею».

В Первую мировую или, как тогда говорили, «Государственную» войну Иосиф Титович вновь оказался на фронте, хотя по ранению не подлежал призыву. Участвовал в Брусилловском прорыве. Дослужился до унтер-офицера. События революции 1917 г. застали его в полтавском госпитале, где он приходил в себя после очередного ранения.

Дальнейшую жизнь перевернули революция и гражданская война. Умы миллионов людей были дезориентированы. Вольнодумец по образу мыслей и солдат по судьбе, он пошел в Красную армию, хотя на его теле было уже более десятка боевых шрамов.

После демобилизации из РККА он с семьей навсегда остался в Одессе. В анкете из тетради 1952 г. Петр Осипович писал об отце: «В настоящее время является пенсионером (инвалид 2 группы), проживает вместе со мной». Адрес: ул. Микояна 3, кв. 15.

Иосиф Титович умер глубоким стариком в 1965 г. В марте 1988 г. в его могилу на 2-ом кладбище опустили Петра Осиповича.

Ольга Федоровна

О матери известно еще меньше. Родилась в Киеве, в семье священнослужителя высокого сана. По некоторым данным, Федор Радзиевский руководил семинарией и был приятелем отца Михаила Булгакова, который, как известно, до самой смерти в 1907 г. преподавал в Киевской духовной академии. Кстати, будущий писатель был всего на два года младше Ольги.

Ольга Федоровна учительствовала уже до революции. В гражданскую войну она, подобно

многим тысячам людей своего положения, оказалась на юге — в Одессе. Однако не эмигрировала, а вышла здесь замуж. Продолжала учить школьников младших классов. Судя по всему, не отличалась крепким здоровьем. Петя был ее единственным ребенком.

В начале войны мать Петра Осиповича тяжело болела. Это не позволило семье эвакуироваться на восток. Ольга Федоровна умерла в 1942 г. в оккупированной Одессе. Ей было 53 года.

На пути в науку

Петр Осипович вспоминал, как в детстве бабушка по матери водила его в церковь, учила бить поклоны Богородице. Она очень хотела увидеть внука архиереем. Ей казалось, что для карьеры священника Петя обладал всеми не-

обходимыми достоинствами — от семейной традиции до прекрасного голоса. Но на дворе уже была другая эпоха, да и другие миры манили мальчика.

Одессу довоенной поры плотно окружал

пояс немецких селений. Петя вырос в немецкой слободе. Ходил в немецкую школу. Это отчасти объясняет некоторые подробности его последующей биографии.

Как многих городских мальчишек, его увлекло коллекционирование. Помню, среди студентов истфака ходили разговоры, что у Петра Осиповича имеется богатейшее собрание ...пивных этикеток довоенного и военного времени.

А еще он писал стихи. Судя по их содержанию, любовь к античности жила в нем с детских лет. Это предопределило профессиональный выбор Петра Осиповича.

В 1939 г. он поступил на исторический факультет университета. Был комсомольцем. А как иначе быть студентом идеологического факультета? Фраза из анкеты 1952 г.: «состоял членом ВЛКСМ с 1939 по 1946 год, выбыл механически по возрасту» — выдает не вполне комфортные впечатления от пребывания в рядах «боевого резерва партии».

О том, каким был тогда Петр Осипович, я в 80-е гг. пытался разузнать у его соученицы А.М.Тарадаш, которая работала в археологическом музее. К сожалению, разговор не получился. Пожилая, несколько чопорная дама каждый раз просто-таки задыхалась от восклицаний, сопровождая имя «Петя» всякого рода восторженными междометиями.

Петр Осипович в армии не служил из-за слабого зрения. Однако с началом войны, как и

десятки тысяч горожан, он пошел копать окопы под Одессой. По его более поздним признаниям, с тех пор он и возненавидел лопату и земляные работы. Это, должно быть, как-то связано с его снисходительным отношением к полевой археологии.

В анкете из тетради о жизни в период оккупации сказано: «Находился со всей семьей (отец, мать) в Одессе с 16 октября 1941 г. по 10 апреля 1944 года. Работал с декабря 1941 по март 1942 в библиотеке университета, затем состоял студентом». Он чудом не был отправлен на работы в Германию — судьба миловала. В накопителе на Слободке встретился сосед-полицейский, который попросту дал ему сбежать.

В год Победы учеба в университете была успешно завершена. Но радоваться особенно не приходилось. В высшей школе продолжались «чистки», жертвой которых пал учитель Петра Осиповича проф. Б.В.Варнеке (см. статью И.Б.Клеймана). Зная партийно-комсомольские нравы тех лет, можно только догадываться, что стоит за сухой фразой из анкеты: «Имел взыска́ние (выговор), наложенный ксм организацией ОГУ в 1945 г. за утерю (уничтожение) ксм билета во время оккупации». В трудную годину ему пришлось съесть комсомольский билет... Знаменательно, что это «преступление» он обязан был показывать в анкетах как компромат на самого себя, по меньшей мере, до 1953 г. Тем не менее, жизнь продолжалась.

Начало карьеры

Несмотря на все невзгоды, надо было выживать достойно. Он читал лекции в университете, давал уроки в вечерней школе, упорно занимался научной работой в заочной аспирантуре. О его напряженной деятельности тех лет свидетельствует составленный им самим послужной список:

«25 апреля 1944 г. — 15 декабря 1946 г. научный работник Одесского историко-археологического музея;

1 сентября 1946 г. — 31 августа 1947 г. Одесский госуниверситет, ассистент;

1 сентября 1947 г. — 31 августа 1949 г., преподаватель;

1 сентября 1949 г. — по н.в., старший преподаватель».

С 1 сентября 1947 г. по 31 августа 1952 г. он одновременно работал учителем в Школе рабочей молодежи № 21 для слепых по ул. Чкалова, 9. Оставил школу из-за «загруженности основной работой в Университете».

В 1951 г. Петр Осипович защитил в Москве кандидатскую диссертацию «Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967-971 гг.». Вскоре на вопрос анкеты об основной профессии и специальности он написал: «Историк (история древнего мира и Византии)».

Свои филологические познания оценивал скромно: «Пишу, читаю, говорю более или менее свободно (без словаря) по-немецки; со словарем читаю по-французски, по-болгарски и весьма слабо — по-английски. Знаю также латинский и греческий языки». На самом деле, вопреки отсутствию разговорной практики, он знал все европейские языки, кроме финно-угорских и баскского.

Защита диссертации выдвинула молодого ученого в ряд ведущих специалистов по средневековой истории Балкан. В 1951-1953 гг. был опубликован целый ряд статей в таких престижных столичных изданиях, как «Византийский временник», «Вестник древней истории», «Вопросы истории». Ему прочили блестящую академическую карьеру в Москве. Говорят, что Петр Осипович значился не на последнем месте в штате Института византиноведения, открытие которого ожидалось со дня на день. Указ об этом якобы вот-вот должен был подписать Сталин. Однако 5 марта 1953 г. наступило быстрее. «Отец народов» ушел к предкам, отказав Советскому Союзу в праве иметь такой Институт.

Похоже, Петр Осипович быстро оценил сложность ситуации. Заниматься проблемами Византийской империи в послевоенной Одессе было невозможно. Несмотря на давние традиции, соответствующая научная среда здесь

уже отсутствовала. В глазах власть предержащих такая наука выглядела сомнительной, новая зарубежная литература по проблематике даже в Москву поступала не очень регулярно.

Зато в Причерноморье расширялись археологические раскопки памятников древности, в частности Ольвии и Тиры, ежегодно дававшие иссле-

дователям огромное количество античных вещей. Совсем не случайно, что уже с 1953 г. он публикует работы по истории античности, прежде всего по нумизматике, а затем и эпиграфике (см. список работ). В 1956 г. выходят сразу три работы о монетах Ольвии, которые отныне становятся его постоянной привязанностью.

Учитель — ученик

Петр Осипович был достойным учеником и не забывал о своих учителях. Вступительную часть к докторской диссертации он завершил словами: «Считаем своим долгом выразить глубокую и сердечную признательность памяти наших учителей, профессоров Б.В.Варнеке, А.Г.Готалова-Готлиба и доцента М.Ф.Болтенко». Память двух из них, умерших в период хрущевской оттепели, он почтил публикацией некрологов, хотя о трудной и трагической судьбе этих людей стало возможным писать только в последние годы (см. статью И.Б.Клеймана).

Представляется, что учителем П.О.Карышковского с полным на то основанием следует считать и А.Л.Бертье-Делагарда (1842-1920) — руководителя знаменитого Одесского общества истории и древностей. Будучи по профессии военным топографом, он стал крупнейшим знатоком старины Северного Причерноморья и одним из первых использовал метрологический метод исследования античных монет. В своей диссертации Петр Осипович выступает как ревностный продолжатель его дела и обстоятельный оппонент. Кажется, более всего он по-доброму завидовал этому человеку, умершему за год до его рождения. Александр Львович казался необыкновенным счастливецом, ведь он собственноручно взвешивал монеты в Британском музее! Именно А.Л.Бертье-Делагарду посвящена единственная статья П.О.Карышковского, написанная для Советской исторической энциклопедии. По всей вероятности, его подвижническая деятельность вдохновила Петра Осиповича на создание Одесского археологического общества, которое заявило о возрождении традиций ООИД. Не случайно два тома Записок продолжают нумерацию знаменитого издания.

П.О.Карышковский был самым ненавязчивым учителем из всех, кого мне пришлось знать. Он искренне удивлялся, когда кто-то из студентов проявлял желание заниматься темой, близкой его профилю. Таких волонтеров он встречал совершенно ошарашивающими заявлениями. Прочитав первый студенческий опус, мог, например, заявить: «Что ж, пора тебя лишит нумизматической невинности».

С первых лет работы в университете он руководил работой студенческих научных кружков, но очень серьезно относился к этому делу. Внимательно слушал выступления студентов на заседаниях СНО, конференциях, читал курсо-

вые и дипломные, редактировал, оппонировал.

Как-то в одном из частных внеаудиторных разговоров близкие люди пытались убедить его, что один из подвизавшихся у него бывших студентов — человек сволочной. Он не спорил с характеристикой личностных качеств, но активно возразил. Хорошо помню слова: «Я не могу отказать в помощи тому, кто взялся всерьез заниматься моим ремеслом». В этом, на мой взгляд, был весь Петр Осипович.

Учениками Петра Осиповича называются многие. В каком-то смысле — это все студенты истфака за более чем 40 лет — со второй половины 40-х по конец 80-х гг. Вместе с тем, я знаю, по крайней мере, несколько человек, которые объявили себя его «последними учениками». Рискну утверждать, что собственно учеников (тех, кого в злобе обзывают «выкормышами») у него и не было. Он ни с кем не носился и ни над кем не дрожал. Верно ли поступал, нет ли — сказать трудно. Но таков был его стиль.

Среди студентов всегда находились те, кто ему откровенно подражал. Копировали манеру говорить отчетливо, но приглушенно. Повторяли излюбленные им фразы, вроде «Итак, говорю я» или обращения «Так вот, друзья мои».

Была категория ребят, которые хвастали, как они в экспедиции запросто «раскручивали П.О. на четвертак». Это бывало правдой. В те времена за 25 руб. можно было напоить вином целый взвод. Он был щедр, не брезговал выпить со студентами...

К нему можно было запросто прийти домой. Многие сюда приносили работы на суд и даже «одаривали» Петра Осиповича авторским чтением вслух. Профессор был терпелив, помогал подсказками, советовал, потом ему становилось скучно и он сам «доводил до ума» беспомощные произведения.

В большой комнате с высоким потолком, находившейся в коммунальной квартире на ул. Островидова, бывало столько людей... Ее стены были заставлены сотнями редких книг. В углу стоял столик с пишущей машинкой, на которой профессор довольно лихо печатал... одним пальцем. Некоторые студенты старались быть здесь частыми гостями. Таким «ученикам» казалось, что они очень близки с ним. Некоторые и теперь гордятся тем, что «П.О. прямо с порога» отправлял их за бутылкой!.. Однако правомерен вопрос: не было ли для них это равнозначно окончательному приговору Петра Осиповича?

Стихи

Юношеские стихи — напасть многих. Они, как правило, искренни, но вторичны. Первые известные опыты стихосложения П.О.Карышковского относятся к 13-18-летнему возрасту. Уже опубликованные строфы вряд ли можно считать неудачными. Античная тематика в них представлена очень ярко. Тут и переправа Цезаря через Рубикон, и Архимед в развалинах Сиракуз, смелые аргонавты и страшный пожар Рима в 64 г. до н.э. Сюжеты, что и говорить, хрестоматийные и стихотворно отчасти разработанные (например, вождем русского символизма В.Брюсовым). Однако Поэзии всегда было важно не столько, что говорят, сколько как...

Трудно представить из каких тайников добывал он слова. Они точны и красивы. Тут и начитанность, и наблюдательность, и вдумчивость. Словом, дар небес. Думаю, строка «Облака, багровые медузы» могла бы стать гордостью многих признанных поэтов. А что стоит за определениями «пьяный» и «потный», которые дал одесский паренек древнему солдату? Это в годы, когда военную тематику отличали совсем иные штампы.

Если верно, что стихи выражают мечту, действительное стремление к несбыточному, то следует приглядеться к ситуациям, которые влекут автора. В сожжении Рима он увидел не только театр абсурда, устроенный «для собственной забавы», но и протест против богов, нежелание человека покоряться бессмертным. Аргонавты в его трактовке отправляются в дальнее плавание, «чтобы вздохнулось привольно, чтобы печали забыть, чтобы заботы развеять». Налицо явный синдром Икара, пренебрегающего всеми запретами. Можно поверить, что юный поэт не знал строки Овидия «Начал тут отрок Икар веселиться отважным полетом», но нельзя пропустить зрелища отчаянного веселья полетом в его стихах.

И в стихах 50-х гг. он верен себе. Конечно, слова звучат в чем-то по-другому, а темы прямо не восходят к античным сюжетам. В голосе автора можно уловить успокоенность и даже осознанную обреченность. Но это только первый план, бросающийся в глаза при знакомстве со стихами. Перечитайте наиболее известные «Березанские сонеты». В них многократно обыграна тема Острова. Остров, как метафора, интересен оторванностью от мира, идеальными условиями для воплощения сокровенных замыслов. «Островов недоставало, и их мечтой творили небывалой» — говорит автор. Однако для него выжженный солнцем клочок земли вовсе не райский причал, а взлетное поле, за которым обрывается то, о чем «сказать несложно уже заранее». Именно на таком Острове вдруг понимаешь, что «небо с морем неразличимы, и радость с горем неразлучимы». Тут опять прямые реминисценции из Икара — падение с неба в море и обернувшаяся горем радость. Вроде бы его восхищает на острове возможность «касаться тайны и дышать свободой». Но это скорее идеал, а в жизни получалось наоборот — он «дышал» одному ему ведомыми тайнами, а свободы робко касался...

Только с ярко выраженными способностями Икара, вопреки неотвратимому суду Мойр, можно было по достоинству оценить «краткий путь вне будничного круга». И уже совсем парадоксально-жертвенно и жизнелюбиво-мудро звучат слова: «Миг прощанья дан нам щедрым роком — этого немало...».

Стихи настоящего поэта говорят гораздо больше, чем хочет сказать автор. На мой взгляд, для него стихи были способом определить свои отношения со Стихией. Однако, чтобы это доказать, предстоит опубликовать и изучить поэтическое наследие П.О.Карышковского.

Лекции — реликты — рукописи

Он читал лекции интересно и легко. На разные темы. Часто по 3-4 пары в день. Его авторская речь была умело украшена фразами из классики. Особенно часто цитировал басни И.А.Крылова. Случалось ему выручать неожиданно заболевших коллег. Вспоминают, что как-то он прибежал на лекцию прямо с пляжа. Извинился за внешний вид. Спросил у студентов название последней из данных основным преподавателем тем. А затем прочитал великолепную лекцию по истории Древнего Востока. Приходя на замену, он всякий раз подчеркивал, что не является специалистом, но был готов прочитать любой курс, проходивший по его кафедре — от истории первобытности до средних веков.

На лекциях умудрялся держаться просто и в то же время изысканно. Не припомню, чтобы он громко смеялся. Шутил и иронизировал Петр Осипович почти всегда по принципу «умный поймет». Тонкая, будто слегка смущенная улыбка подкупала. Не случайно, каждый учебный год 1 сентября в расписание выносилась его лекция «Введение в специальность», которую он читал всем истфаковцам от первокурсников до дипломантов одновременно, на одном дыхании.

В него, в его образ и даже в его голос были влюблены многие студентки. Отношения с прекрасным полом — особая тема. Он и здесь хорошо узнаваем. Одна из романтических историй повествует, что профессор однажды поло-

мал руку, когда лез в окно общежития к любимой... Он не лицемерил по «женскому вопросу». На ежегодных факультетских праздниках студенты устраивали пресс-конференцию с преподавателями. К Петру Осиповичу всегда было много вопросов, иногда довольно каверзных. Один из них звучал так: «Какие девушки Вам больше нравятся — брюнетки или блондинки?». Он моментально и с юмором отреагировал: «И шатенки тоже».

Прирожденный оратор, он чувствовал себя в аудитории свободно. Несмотря на эту легкость, говорят, что самый замечательный свой спецкурс — об образе жизни людей античности — он читал один лишь раз в жизни. Послушать приходили студенты и преподаватели других факультетов. Однако в следующем году Петр Осипович изъясил его из учебного плана. Тематика забирала слишком много духовных и физических сил.

Придя домой, занимался монетами. Предложения отдохнуть отвергал, утверждая, что лучшего отдыха не знает. Тысячи монет, проходя через его руки, становились настоящими историческими свидетельствами. Не менее увлеченно он занимался эпиграфикой, хронологией и другими т.н. вспомогательными историческими дисциплинами. Его интересовали самые неожиданные вещи. Например, он рассказывал, как изучал дальность полета стрел по записям, которыми один из турецких султанов отмечал свои лучшие достижения в стрельбе из лука. За годы работы у него накопился огромный архив слепков, рисунков, фотографий, описаний. Он пока не востребован в научном плане, хотя уже не год находятся лица, без стыда заявляющие о том, что Петр Осипович...завещал им бесценные материалы.

Если нужно было, он ездил за десятки километров к самым разным, чаще всего незнакомым людям, чтобы посмотреть очередную монету. Часто бывал на раскопках: в Тире, Ольвии, на Березани... Гордился своим участием в экспедициях М.Ф.Болтенко. Великолепный специалист по источниковедению, он очень хорошо разбирался в разных категориях археологического материала. Монография «Древний город Тира», изданная им в соавторстве с И.Б.Клейманом, могла бы стать полноценным учебным пособием по причерноморским по-

лисам. При этом, надо сказать, П.О.Карышковский всегда несколько дистанцировал себя от археологов. Его как-то не вдохновляли «жара и ветер в раскопе пыльном». При разговорах об археологии в нем часто проявлялось снисходительное отношение к коллегам-«раскопщикам». Не упускал случая слегка подтрунить.

Рассказывают, что как-то хранитель фондов ОАМ Э.И.Диамант, которого все дружно звали «Ноликом», посетовал на утерю обломка керамического сосуда. Петр Осипович решил «выручить» приятеля. Недолго думая, он на его глазах раздавил взятый неведомо откуда черепок и предложил на выбор любой из полудюжины осколков, а остальные советовал сохранить на будущее, до следующего подобного случая. Он был горазд на розыгрыши.

Случалось на него выливали целые ушаты помоев. Слухи о его выходках на праздничных банкетах отдельные «коллеги» доводили до студентов, которые понимали факты по-своему и злорадствовали, подсчитывая, скольких преподавателей истфака «уже послал» Петр Осипович. Не исключаю, что в такой своеобразной, но доступной сослуживцам форме он честно указывал на достойное их место. Что бы там ни было, его профессиональная репутация оставалась безупречной. Это признавали даже недруги.

П.О.Карышковского радостно встречали коллеги в Москве, Петербурге, Киеве, Кишиневе и Тбилиси. При всей любви к Одессе здесь ему не хватало должного профессионального общения. Без всякого преувеличения, его работы ценили специалисты всего мира. Можно только удивляться, как в советское время университетский преподаватель, загруженный выше головы часами, читавший лекции в других вузах, успевал писать такое количество статей. Часто объемы его работ совершенно не подходили изданиям тех лет, строго лимитированным автором. Он находил выход, печатая продолжающиеся из номера в номер статьи. Ко времени защиты докторской диссертации, издал более 100 научных работ, главным образом по ольвийской тематике. В среднем у него выходило по 5-6 работ в год. Отдельные рукописи не изданы до сих пор, в том числе и труд, который сделал его таким, каким знали профессора тысячи людей.

Докторская диссертация

Сочинение «Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.)», помимо основного текста с большим количеством статистических таблиц, включает приложения со списками и характеристикой находок, перечнем легенд и библиографией. Отдельный том составляет атлас с иллюстрациями, в котором «представлены с наиболее возможной полнотой монеты Ольвии». О скрупулезности автора

свидетельствует отрывок из вступительной части: «Оформление настоящей работы было завершено к началу 1968 г., так что литература, опубликованная в этом году, была использована лишь частично при ее окончательном редактировании; тогда же было добавлено и дополнение к списку литературы, включающее также несколько случайно пропущенных ранее названий. Отметим также, что, несмотря на зат-

раченные усилия, некоторые зарубежные издания все же оказались для нас недоступными (ср. стр. 36, прим. 108); хотелось бы надеяться, что это не нанесло непоправимого ущерба целям настоящего исследования».

К сожалению, этот солидный труд и через 30 лет после защиты диссертации в Ленинградском университете, имеется лишь в нескольких машинописных копиях. Советские научные издательства не брались печатать такую большую монографию. Скорее всего, не обходилось и без козней. Предложения о публикации из-за границы (ходили слухи, что с ним не раз пытались договориться об этом англичане, немцы, американцы) профессор, находившийся на карандаше в органах, принять не мог. Только в конце жизни Петра Осиповича появилась надежда, что его книги увидят свет.

Правда, монография «Монеты Ольвии» была сдана в печать в сильно урезанном виде. Как признавался автор, из-за ограниченности объема писать ее приходилось «телеграфным языком». Ему тут же заказали вторую. Петр Осипович взялся за дело с привычным для него легким азартом. Он подшучивал, что следующую книгу придется по примеру нашумевшего итальянского телесериала «Спрут-2» назвать «Монеты Ольвии-2». Однако этому не суждено было сбыться... Первая книга вышла в 1988 г., уже посмертно. Оказалось, что почти небывалый для киевского издательства «Наукова думка» тираж в 18 тыс. экз. быстро исчез с книжных прилавков.

Передо мной на столе диссертационное

исследование Петра Осиповича. Некоторые результаты работы, конечно, устарели. К тому же многие страницы рукописи пестрят поправками самого автора. Однако, новая редакция осталась незавершенной и вряд ли может быть полностью учтена при публикации.

В настоящем томе журнала с любезного согласия А.И.Карышковской публикуются две главы из первой части работы. В машинописном оригинале они называются: «Техника и организация производства монеты в Ольвии» (гл. 1) и «Монетно-весовые системы Ольвии» (гл. 2). В публикуемом варианте члены редколлегии сочли возможным объединить их под общим заголовком «Ольвийские монеты: производство и метрология», при том, что последовательность и названия параграфов остались неизменными (с. 65-186 рукописи). При подготовке к изданию по возможности сохранена авторская редакция текста. Полагаю, что отдельные выводы, не выдержавшие испытания временем, не снижают ценности данной публикации.

Хочется надеяться, что это только первый шаг к полному изданию работы. Труд Петра Осиповича, имеющий не только научно-познавательную, но методико-методологическую значимость, несомненно, должен быть опубликован целиком. Он писал для людей, и его труды достойны того, чтобы вопреки неумолимому времени дойти до них. Тогда, я уверен, читая исследования П.О.Карышковского, многие молодые люди с радостью расстанутся с модной теперь научной невинностью.

* * *

В отличие от мифического Икара, он возвращался из полетов. Земные лики роднили его с тысячами людей, рядовых и начальственных, симпатичных и не очень. Они толпились вокруг него, вовлекая в свои заботы. Он без особого сопротивления поддавался и, казалось, становился на какое-то время своим... Однако, по-моему, даже исходившие ненавистью высокопоставленные глупцы-администраторы принимали его дорогим гостем из мало кому доступной туманности. До-

рогим потому, что на всякого оказавшегося рядом падали живые блики заповедных миров. Для многих из знавших его людей, какое бы то ни было общение с ним являлось единственным способом прикоснуться к Тайне истории. Публикации рукописей возвращают драгоценные плоды его трудов людям и уменьшают число осчастливленных его знаниями. Им, прозревшим, будет легко понять, что феномен П.О.Карышковского сам избрал себе имя — ИКАР СЧАСТЛИВЫЙ.

*Николай Руссев,
студент П.О.Карышковского 1975-1980 гг.*